

Абиш КЕКИЛБАЕВ НУ И ЧУДЕСА!

Все происходило точь-в-точь как в учебниках по арифметике. Представьте сами. К узловой железнодорожной станции из двух противоположных точек стремительно приближаются два пассажирских поезда. Оба скоростные и оба курсируют между двумя всему миру известными городами. Разумеется, скорость поездов одинакова. И, конечно же, на узловую станцию они прибывают в одно и то же время. При этом в обо-

их составах передают по радио один и тот же концерт популярного зарубежного джаз-оркестра, недавно гастролировавшего в нашей стране.

Заразительный шлягер, триумфально облетевший земной шар, не оставляет равнодушным никого из пассажиров встречных поездов. Молодежь самозабвенно отстукивает коваными ботинками по железному полу вагонов. Женщины, трепеща ноздрями, невольно дергают головами и даже пытаются подпевать. Дородные мужчины ритмично вздрагивают тугими, как мяч, животами. А в двух мягких вагонах, ближе к ресторану, в тех, что некогда громко и пышно назывались «международными», а нынче с легкой руки доморощенных зубоскалов чаще всего именуются «передвижными казино», бреются электрическими бритвами двое гладких, вполне упитанных, с крутыми загривками мужчин, пребывающих в том блаженном возрасте, который одинаково неловко считать ни молодым, ни – тем более – пожилым. Оба в благодушном настроении, оба вполне довольны жизнью и собой, и потому, охваченные игривой музыкой, с удовольствием надувают лоснящиеся щеки и разглядывают себя в большом зеркале, встроенном в дверь.

– Пам-пам, па-па-па... По-моему, сегодня печет еще сильнее, чем вчера, – говорит пассажир поезда, спешащего с запада на восток.

– Там-там, та-та-та... С утра уже дышать нечем, – говорит пассажир поезда, спешащего с востока на запад.

Тщательно побрившись, оба легкими массажными движениями кончиками пальцев наносят на щеки, подбородок небольшое количество знаменитого болгарского крема, потом освежаются огуречным лосьоном, растирают, гладят лицо, шею, радуясь тому, что кожа приобретает приятную смугловатость и упругость и еще раз придирчиво осматривают себя в зеркале – не осталась ли где щетинка, не вскочил ли где прыщик. Словом, широкое, скуластое, как должно быть у истинного степняка, лицо обретает безукоризненный лоск с каким, пожалуй, не грешно предстать хоть перед самим королем. Потом оба облачаются в синее шерстяное олимпийское трико, на плечи накидывают просторный, необычайно яркий жилет из индийского ситца. Сейчас на станции они оба выйдут из вагона подышать воздухом, размять кости. А если базар окажется поблизости, то непременно купят большую душистую продолговатую дыню, издавна славящуюся на юге. Вот поезда, натужно отдуваясь, приближаются к станции. За окном мелькают шлагбаумы, за которыми тянется хвост грузовых машин, арб, верховых, пеших, ишаков, мотоциклистов, велосипедистов, потом проносятся

мимо стрелочники с маленькими флажками, товарные составы, водонапорная башня, сарай, склады, дома.

Видные мужчины, конечно, не толкаются в тамбуре, а выходят степенно, с достоинством, не первыми и не последними. Оба пробиваются сквозь крикливые пестрые ряды торговков, высыпавших на перрон с ведрами и тазами яблок, помидор, огурцов, с пирожками, арбузами, дынями, с айраном, кумысом, кумраном, шалапом и прочими напитками в деревянной, жестяной, стеклянной, пластмассовой посуде и направляются к пыльному базарчику за аляповатым зданием вокзала.

Они прогуливаются вдоль рядов, поглядывая на прилавки, прогибающиеся под тяжестью овощей и фруктов. Идут с разных концов навстречу. Их сыновья-подлетки в обтянутых фирменных джинсах, одинаково косматые и долговязые, нетерпеливо озираются по сторонам и подбегают то к одной, то к другой куче полосатых, дымчатых, оранжевых, продолговатых и круглых дынь и ломким басом спрашивают:

– Папа, а эта как? А эта?

Позади плывут их мамы, поджимают губки, помахивают ручками. Папы похлопывают возбужденных отпрысков по плечам, как бы призывая к спокойствию и сдержанности.

В середине длинного солнечного ряда взгляды двух мужчин неожиданно и в одно мгновение встречаются.

– О-хо! – удивляются оба, вскинув руки.

– Ну и чудеса! – восклицают оба, раскрыв объятия.

– Как живется? – спрашивают оба, обнявшись, точно борцы на ковре.

– Прекрасно! – отвечают оба, пожимая теперь взаимно руки.

Их жены, стоя поодаль, удивленно вскидывают брови, обмениваются быстрым взглядом. Потом вспыхнув глазами, блеснув белыми зубами, изображают улыбку. Подростки в одинаковых джинсах, вызываясь подбоченьясь, косятся друг на друга.

Мужчины, всё еще растягивая рот до ушей, поворачиваются к своим благодарным.

– Познакомься, мой товарищ-сокурсник, – говорят оба одновременно, тыча друг друга в грудь.

Жены, еще не совсем утратившие приметы молодости, с высокими, как копна, прическами, обе несколько неопределенного возраста, опять обнажают белые зубы и протягивают ручки.

Мужчины, выпрямив стан, учтиво склоняют головы и прикладываются к ручкам, один – к смуглой, сухой, другой – к белой, пухлой.

– Моя супруга, – замечает каждый, кивая в сторону.

Мужчины кланяются. Женщины, называя себя, обмениваются рукопожатием.

– Ну и ну! Как летит время, а?! – изумляются и громко вздыхают мужчины, точно опытные артисты, играющие на сцене многомудрых стариков. – Надо же! Уже семнадцать лет прошло, как мы окончили институт.

Мужчины, взявшись под руку, выходят вперед. Женщины послушно семчат за ними. А в конце, вытягивая длинные шеи и хмурясь, нехотя плетутся акселераты.

Мужчины громко рассказывают друг о друге.

– Ну, я один из небольших руководителей района, – говорит пассажир поезда, следующего из областного центра.

– А я замначальника треста, – отвечает пассажир поезда, следующего из столицы.

– Жена – врач, – продолжает один из небольших руководителей отдаленного района.

– А моя – преподаватель института, – откликается замначальника столичного треста.

– У нас двое сыновей, одна дочка, – говорит муж той, что работает врачом.

– У нас две дочки и один сын, – отвечает муж той, что преподает в институте.

– Едем в отпуск, – продолжает мужчина, направляющийся из столицы.

– Мы тоже, – откликается мужчина, направляющийся в область.

– В последние годы сердчишко что-то пошаливает. Дрожит порой, как овечий хвост. И давление повышенное. Даже сейчас голова, что бурдюк с перебродившим айраном, – простодушно признается мужчина из района.

– И у меня то же. Третий год лечусь, – подхватывает более сдержанный мужчина из столицы.

– С нами старший из сыновей, – сообщает мужчина, привыкший говорить первым.

– Выходит, ровесник, – заключает мужчина, предпочитающий говорить после других.

– Судя по всему, этот месяц будет необыкновенно жарким, – замечает тот, что из района, и смотрит на небо.

– Да, об этом и газеты писали, – соглашается тот, что из столицы, и смотрит на собеседника.

В это время хрипит-накаливается репродуктор. Тусклый, как бы сонный голос станционного диктора объявляет, что до отхода поезда остаются считанные минуты.

Две семьи, неожиданно встретившиеся на узловой станции, выходят на перрон, где почти рядом встали два длинных пассажирских поезда.

– Ну, будьте здоровы! Счастливого вам отдыха, – говорит мужчина из района. – В следующий раз приезжайте в наши края. На озере покатаемся. Уток-гусей постреляем. Особняк у нас просторный. Отдохнете на славу.

– Если не уедете до нашего возвращения, милости просим, зайдите к нам. Найти нас просто. Высотный дом на проспекте, что тянется в горы. Сорок первая квартира. На дачу съездим, яблок наберем. Чаем угостим со смородиновым вареньем. Жена сама варила, – отвечает мужчина из столицы.

Мужчины пожимают друг другу руки. Женщины целуются. Подростки-акселераты довольствуются небрежным кивком. Два протяжных гудка над шумным перроном, и оба поезда, погромыхая, продолжают путь: один на запад, другой – на восток. И вот уже всё стремительней, стремительней – остаются позади серый вокзал, пестрый базар, крикливые торговки и дети с ведрами, корзинками, тазами со всякой снедью, высоченная водонапорная башня, полосатый плаглаум, за которым длинным хвостом тянутся грузовозы, арбы, верховые, пешие, мотоциклисты, велосипедисты и прочий вечно спешащий люд.

Вернувшись в свои вагоны, мужчины не входят в купе, а застывают у окон в коридоре. Вскоре начинается ровная пустынная степь с унылым рядом бетонных столбов. Радио, молчавшее на станции, вновь начинает хрипеть. Нетерпеливые пальцы радиста прощупывают все волны, вырывая из безбрежного эфира обрывки фраз и звуков. Протяжный, истомленный восточный мотив захлестывает лихая ралалаечная дробь. Чье-то унылое, гнусавое спотыкливое чтение по бумажке решительно забывает пулеметная очередь бойкого комментатора, взахлеб рассказывающего об очередном государственном перевороте в одной из латинских стран. Радисту, видно, всё это не по душе, и он с еще большим рвением крутит ручку радиоприемника.

«Да-а... переменялся он... больно важный стал», – думает про себя каждый из мужчин.

«А как он скромно представился! Один из небольших руководителей района, говорит. Хм-м... Знаем мы этих „небольших“! Один рывок, и станет первым.

Что ж... язык у него еще тогда был хорошо подвешен. Да и шустряк был – в любую дырку пролезет. Такой далеко пойдет», – решает джигит из столицы.

«Этот тихоня еще в те годы ловко обдeldывал свои делишки. Надо же... в замы начальника треста пробрался! Эдак, дай срок, еще не в одном мягком кресле восседать будет...» – предполагает джигит из района.

«Помнится, он дружил одно время с какой-то простушкой из торгового техникума. А эта у него заносчивая. Видно, из состоятельной семьи. Судя по тому, что он, такой задиристый и нахрапистый, не поскользнулся на полдороге, а наоборот, пробился в верха, чья-то сильная рука поддерживает его под мышки», – рассуждает замначальника треста, хорошо разбирающийся в дебрях служебных связей в столице.

«Помнится, еще студентом он всегда слонялся по вечеринкам, утверждая, что родители его девушки, знатные почтенные люди, не пускают дочь в сомнительные компании. Понятно, понятно... Значит, влиятельный тесть и теща волокли его по крутому склону жизни. Иначе куда ему, серенькому коняшке, каких много в косяке?!» – размышляет один из небольших руководителей района, тоже весьма искушенный в тонкостях служебных связей местного масштаба.

На этом течение мысли у обоих мужчин обрывается. Они глубоко задумываются, покусывая роговые дужки очков, и в это время чем-то похожи на студентов, которые не могут извлечь кубический корень. Мысленно они тщательно, досконально выверяют, вымеривают логарифмической линейкой свои чины, звания, ступени карьеры, уровень житейских благ, стараясь определить, кто больше преуспел в жизни. И, оказывается, у обоих есть свои плюсы и минусы, оба ответственные работники и ценные кадры и находятся примерно на одном уровне общественного положения. Так сказать, примерно-равновесие. Паритет. Вывод этот их утешает, и тогда они принимают сравнить своих жен.

«Смотри, каким он везучим оказался! Отхватил смазливую смуглянку. Глаза, как уголья горят. Видно, огонь-баба, привыкла держать повод в своих руках. Такие, когда надо, и прищорят, и приласкают. А без этого иной наш брат, точно верблюд у брода, назад пятится и роняет то, что сама судьба сует ему в руки», – рассуждает муж белолицей женщины.

«Сразу видно, что жена в культурной семье выросла. Беленькая, пухленькая, ни складочки, ни морщинки. А шейка нежная, мягкая, как у девушки. Не женщина – мечта! Благо, свалившееся мужчине с неба. Знатоки утверждают, что нынче богатым столом, путевкой на курорт, намеренным проигрышем в карты никому не польстишь. А вот красавица-жена выводит иногда мужа-недоплату на недостижимую орбиту», – полагает муж смуглой женщины.

«Два сына, одна дочь, говорит. Да-а... два сына – две опоры. Выведет в люди – сам черт ему не брат», – продолжает думать горожанин, у которого две дочки и сын.

«Значит, у него две дочери и один сын... У такой матери, надо полагать, и дочки – красотки. Подрастут – он их выгодно выдаст за отпрысков тузов с длинными руками и с тугой мошной, и тогда плевать он хотел на всех подряд», – решает селянин, у которого два сына и одна дочка.

«Ну и хитер же! – думает одновременно каждый друг о друге. – Наверняка своего косматого юнца в обтрепанных джинсах везет определять в институт. А парень-то у него что бродяга-дервиш, травленный собаками. „Едем в отпуск“... Ох, и лукавый же ныне народ пошел!...»

А в купе на мягких диванах, откинувшись на спинку, рассеянно листая журнал мод, думают о своем и жены.

«Неплохо устроились! В столице, в центре, шикарная квартира. В горах – дача. Такие не упустят своей доли, знают, как жить», – вздыхает «горемычная» из района.

«Свой особняк. На озере покатаемся, говорят. Гусей-уток постреляем. Видно, на широкую ногу живут», – вздыхает «бедолага» из столицы.

«Если она преподает в институте, то, понятно, на доходном месте сидит. Поговаривают, что иные преподаватели на одних только заочниках состояние наживают. А с абитуриентов сколько дерут?» – поджимает от зависти губки всезнайка из района.

«Врач на селе как сыр в масле катается. Там у всех по две-три ставки. А подарков несут – больше профессорской зарплаты», – кривит от досады губы всеведущая из столицы.

«А в каких туфельках она щеголяет! Конечно, в городе всегда всё найдешь. Мы же, бедолаги, не можем даже показать то, что имеем», – думает красавица степей, чувствуя, как отчего-то горит пятка.

«Материал, из которого сшила она платье, ни в одном столичном магазине не найдешь. А в районе они – хозяева. Всё лучшее на складах через их руки проходит. Сливки с молока снимают», – думает городская красавица, чувствуя, как отчего-то зудится плечо.

В это время их мужья заходят в купе, а из хриплого радио прорывается наконец разудалая песня. Знаменитый певец хорошо поставленным бархатным баритоном взывает к воспоминаниям: «Где вы, где вы, сверстники-друзья? Где наша юность безмятежная?»...

– Ну, заладил... Еще студентами были – он это горланил. Как бы ни возносили этих артистов, а они не расстаются со своим старым «а-ляу-лай». Неужели им трудно обновить репертуар?! – ворчливо замечают оба мужчины и выключают радио.

Но старый репертуар знаменитого певца совсем тут ни при чем. Дело в том, что в соседнем купе едет большо-ой человек. И со вчерашнего дня, просыпаясь, он забавляет себя пулькой. А вдруг он сейчас постучит кулаком в стенку, вдруг скажет: «Эй, вы... может, приступим?» – и не дай бог, чтобы голос его, бо-о-ольшого человека, заглушил восторженный баритон певца. Разве разумно не воспользоваться честью составить компанию скучающему бо-о-ольшому человеку?

Оба мужчины не прочь отделаться от неприятного осадка, оставшегося после неожиданной встречи на узловой станции, и потому обращаются к женам и покачивают головами:

– Ну и чудеса! Верно говорят: гора с горой не встретятся, а человек с человеком – всегда. Семнадцать лет не виделись – и вдруг на тебе.

– Да-а... действительно, поразительный случай, – согласно кивают жены.

И только косматые юнцы в обтрепанных джинсах молчат и равнодушно смотрят в окно, за которым стремительно плывет назад бескрайняя бурая степь. Они очень недовольны тем, что так и не попробовали сладкой душистой дыни, славящейся на юге. А ведь горами возвышались на пыльном базарчике – гладкие, дымчатые, овальные, круглые, оранжевые... «Чудеса, чудеса... Чего чудного-то увидели? Ну, встретились. Обнялись. Расцеловались. Полюбезничали. Поехали дальше. Тоже мне – чудеса!» От досады долговязые юнцы принимаются тихо насвистывать песенку, которая только что звучала по радио.

А разгоряченный поезд мчит всё дальше, дальше, словно хочет непременно догнать свою тень, и колеса вагонов монотонно постукивают: «так, так, так», как бы подтверждающая сомнения двух косматых юнцов.

Перевод Г. БЕЛЬГЕРА